

УДК 303.446:32
ББК 66.07

ПОЛИТИЧЕСКОЕ «ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСТОРИИ» В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

И.И. Курилла *

В статье рассмотрено использование истории как средства формирования идентичности в современной России, показано политическое содержание этого процесса, а также обозначены основные вызовы единому историческому нарративу. Автор предлагает насытить нарратив изложением дискуссий по спорным проблемам.

***Ключевые слова:** сравнительная политология, использование истории, исторический нарратив, учебники истории, популярная история, формирование национальной и групповой идентичности.*

Начну с того, что задам неустаревающий вопрос: что такое история? Мой ответ будет таким: история – это форма постоянного диалога ныне живущих с ушедшими поколениями, диалога, необходимого современному обществу для сохранения и изменения собственной идентичности, для поддержания системы представлений о добре и зле, о направлении развития общества.

Как любой диалог, история опирается на две стороны; современное поколение выступает вопрошающей стороной, а прошлое – стороной, отвечающей на наши вопросы. Именно поэтому история «переписывается» каждым новым поколением, и в этом нет ничего «неправильного», ведь у нового поколения возникают собственные вопросы. Ответ же любое поколение ищет в источниках, дошедших из прошлого, и именно в этой опоре на источники – фундаментальное отличие истории от любой другой формы общественного вопрошания. Историки – профессионалы такого диалога, но они не являются монополистами этого процесса; общество также ведет диалог с прошлым в литературе, в кино,

на страницах периодических изданий и на политической арене.

В этой статье рассматривается в качестве проблемы сам процесс постановки исторических вопросов, суженный до связи историописания с политической повесткой дня общества. Вполне понимая, что повестка дня не исчерпывается политикой, а история гораздо шире той ее части, что используется в политических целях, в этом небольшом тексте я остановлюсь, однако, именно на политическом использовании истории.

Задавая в процессе исторического исследования (одному и тому же) прошлому разные вопросы, мы получаем различные «диалоги»; именно этот процесс делает не только возможными, но неизбежными различные интерпретации событий прошлого, ставящие в тупик незнакомого с профессией наблюдателя. Среди этих интерпретаций невозможно выбрать «правильную», потому что если не нарушена методология диалога, то все интерпретации окажутся одинаково «верными».

На протяжении долгого времени от имени «ныне живущих» поколений чаще всего выступало государство. Главным «заказчиком» исторического диалога были поднимавшиеся нации, и национальные идентичности требовали исторического обоснования. Именно поэтому историки зачастую рассматривали себя (и были фактически) чиновниками, состоявшими на го-

* Включен в реестр иностранных агентов Министерства юстиции Российской Федерации.

сударственной службе. Интерпретация прошлого оказывалась в целом единой, что соответствовало методологическим воззрениям позитивистской исторической школы.

Однако во второй половине XX в. ситуация изменилась. Ранее молчаливые социальные группы начали обретать субъектность, и вот уже появились «женская история» и «история афроамериканцев», история сексуальных меньшинств и различные варианты историй регионов, не совпадающих с государственными границами. Монополия государства на вопрошание пала [12; 13; 19].

И вот тут мы подходим к проблеме исторического понимания в России.

В СССР «исторический канон», или, в нашей терминологии, допустимые и необходимые вопросы к историческому материалу были раз и, казалось, навсегда заданы «Кратким курсом истории ВКП(б)» и его толкователями. Основные интерпретации включали учение об общественно-экономических формациях, неуклонно, путем социальных революций сменяющих друг друга от первобытности к коммунизму, а применительно к отечественной истории – представление о своего рода «осевом моменте» истории – октябре 1917 г., по одну сторону которого развивалось «русское освободительное движение», а по другую – общество быстро переходило к коммунизму [3; 11].

Великая Отечественная война изменила интерпретации. Начиная с 1960-х гг. история страны имела уже два «пика» – Великую Октябрьскую социалистическую революцию и Великую победу. Причем поколение фронтовиков, пришедшее к власти вместе с Л.И. Брежневым, именно Вторую мировую сделало стержнем официального представления истории СССР. Это особенно заметно в характере официальных церемоний, выработанных в 1960–1980-е, мемориалах и памятниках, воздвигнутых по всей стране.

Профессиональные историки, не желавшие обслуживать канон, уходили в исследование древней истории или зарубежных государств (здесь, правда, можно было попасть в интерпретационные схемы «холодной войны», не хуже «внутреннего» канона сдерживавшие научный поиск). Но учебные тексты, мемориальное пространство городов и официальная пропаганда не знали альтернатив.

Вместе с крушением Советского Союза и крахом коммунистической идеологии советского образа наступил и кризис исторического нарратива. В начале 1990-х гг. в школах отказались от проведения выпускного экзамена по истории, а в качестве стандартного учебника истории России XX в. некоторое время использовался переведенный с французского труд Николя Верта [2].

В бывших советских республиках, ставших независимыми государствами, в этот период ускоренными темпами начал создаваться новый исторический нарратив. В одних случаях это было возрождение существовавших ранее концепций (как, например, теории М. Грушевского на Украине), в других нациестроительство начиналось с нуля; однако везде историки, желавшие послужить родному государству, оказались востребованными [10; 11].

Иное дело Россия. Здесь с самого начала в повестке дня не стояло создание нации, а ослабление государства некоторое время воспринималось интеллигенцией в парадигме борьбы с наследием коммунизма. На протяжении десятилетия в стране не существовало версии национальной истории, которую можно было бы назвать «доминирующей», что было очевидным признаком кризиса идентичности российской нации.

Именно в тот период история страны стала активно «приватизироваться» различными политическими силами. Оппозиция президенту Б. Ельцину в начале 1993 г. (в 50-ю годовщину победы под Сталинградом) собралась в Волгограде, откуда потребовала устроить «второй Сталинград» для реформаторов. Именно эти политические силы использовали слово «патриотизм» для обозначения своей связи с героическим прошлым страны в противовес якобы «антироссийскому» режиму, установившемуся в стране с начала 1992 года. «Реформаторы», с их преимущественным вниманием к экономической политике, упустили символическое ее содержание и не пытались интегрировать собственные реформы в нарратив российской истории (вместо этого в те годы активно пропагандировался полный «разрыв» с советским прошлым и построение истории либо заново, либо с «упущенной альтернативы» 1917 г.) [8; 18].

К концу 1990-х руководство страны озабочилось этим кризисом; появилось осознание того, что «русской нации» не существует, выразившееся в попытках сформулировать «национальную идею». Из этой затеи в тот момент ничего не вышло, но проблема была поставлена.

В. Путин пришел к власти с четким представлением о важности национальной истории; он начал строить российскую идентичность с утверждения «царского» флага и герба России и одновременно подновленного «советского» гимна страны. Еще в должности и. о. президента он посетил Волгоград, «отобрав» у оппозиции один из важнейших ее символов, и стал активно использовать «патриотическую» риторику обращения к «славному прошлому» [8; 18].

Вскоре стало очевидно, что в стране (не в последнюю очередь усилиями официальных идеологов) складывается новая «символическая картина мира», в которой важную роль играла отечественная история.

Главными способами утверждения новой «официальной» интерпретации истории был контроль (при участии главы государства) над содержанием телевизионных программ, школьных учебников и мемориального пространства. Так, В. Путин поддержал школьный учебник А. Филиппова, А. Данилова и А. Уткина (в 2007 г.), сочувственно описывавший сталинское государство [4], лично потребовал от казачьих лидеров дезавуировать их предложение о реабилитации атамана П. Краснова (в начале 2008 г.) [5, с. 80], а телевидение показывало «документальные сериалы» о кознях Запада на протяжении всей истории России и даже раньше (документальный фильм 2008 г. «Византийский урок» дискурсивно отождествлял Россию с Византией; показательно, что автором фильма был о. Тихон Шевкунов, которого называли духовником В. Путина) [7; 14].

Вскоре стало понятно, что в центре исторического нарратива вновь утвердилось Великая Отечественная война. Картина истории XX в. стала похожей на советскую, но были и отличия.

Первым отличием стал отказ от «основополагающего мифа» о Великой Октябрьской революции. После череды «цветных ре-

волюций» в постсоветских странах официальный нарратив приобрел отчетливо контрреволюционную окраску. Телевидение показало серию фильмов, пропагандирующих старую идею о финансировании Ленина германским генеральным штабом¹. «Досталось» не только большевикам. В школьном учебнике А. Боханова даже декабристы описывались как опасные смутьяны: «Можно с полным основанием утверждать: приди такие люди, как Пестель, к власти в России, страну постигли бы страшные несчастья. Русский историк М.А. Корф называл декабристов горсткой безумцев, чуждых нашей святой Руси» [1, с. 67].

С другой стороны, в сердцевину исторического нарратива вошла Великая победа в Великой войне. Надо отметить, что в интерпретации войны произошли некоторые изменения; в частности, гораздо меньше внимания, по сравнению с версией 1960–1970-х гг., уделяется ныне партизанскому движению (что может объясняться либо настороженностью по отношению к несанкционированной государством активности населения, либо же тем, что основные партизанские регионы находились на территориях ныне независимых Украины и Белоруссии). В целом же представления и репрезентации Великой Отечественной войны весьма напоминают советский период. Нарратив победы заострен, и попытки его поставить под сомнение даже в деталях встречают политический отпор. Именно центральной ролью Великой победы в официальном историческом нарративе России, вокруг которого выстраивается национальная идентичность россиян, объясняется такая резкая реакция государства на попытки распространения альтернативных интерпретаций истории Второй мировой войны в Центральной и Восточной Европе, вызвавшие к жизни, в частности, предложенный С. Шойгу законопроект о запрете «отрицания победы СССР во Второй мировой войне» и создание Комиссии по борьбе с фальсификацией истории в ущерб интересам России [6; 16; 17]. Именно поэтому такие фигуры, как Петр Краснов, который был деятелем как Гражданской, так и Второй мировой войн, не допускаются к «реабилитации».

Памятники деятелям революции и Гражданской войны могут демонтироваться, могут

появляться сочувственные тексты о Белом движении (фильм «Колчак»). Но невозможно себе представить такого же по отношению к деятелям Второй мировой.

Вернемся теперь к утверждению о том, что исторический нарратив связан с формированием идентичности и к концу XX в. национальные идентичности во многих странах распались на групповые. Единый общенациональный российский нарратив также сегодня не может выполнить объединяющую функцию и подвергается вызовам со стороны альтернативных подходов.

Мы уже упомянули о том, что один из вызовов российскому нарративу представляют поддержанные соседними государствами их собственные национальные версии истории XX века. Представление о СССР и гитлеровской Германии как о равно тоталитарных режимах и замена «освобождения» Европы в 1944–1945 гг. на «смену оккупанта» широко распространились в странах ЦВЕ и Балтии. Выдвижение на роль национальных героев людей вроде С. Бандеры в Украине времен президентства В. Ющенко – также в этом ряду. Именно против этих версий пытается бороться российское государство [11; 16].

Однако вызовы «официальному» нарративу исходят и из других источников. Так, региональные исторические нарративы зачастую противоречат «москвоцентричному», выдвигая на роль героев людей, не вписывающихся в официальную версию (кроме упомянутого уже П. Краснова сюда относятся, например, «сепаратисты» разных исторических периодов) [15].

Еще один вызов единой интерпретации российской истории исходит от профессионального сообщества историков. Историки понимают относительную истинность нарратива, однако они сами раздроблены по политическим предпочтениям и по социальным группам. Многие историки готовы, вслед за своими западными коллегами, писать истории «с точки зрения» угнетенных слоев, женщин, национальных меньшинств, они интересуются мотивами и судьбами коллаборационистов, подвергают сомнению центральную роль государства в развитии России.

Государство, однако, напрасно воспринимает эти вызовы как опасность.

Вернемся к мысли, высказанной в начале статьи.

Может ли государство иметь собственные «вопросы к истории», поддерживать собственный исторический нарратив? Конечно, может. Проблема возникает, когда государство пытается подавить альтернативные нарративы (то есть не дать задать прошлому «неудобные» вопросы) или когда ограничивает ответы (то есть мешает профессиональной работе историков). Представляется, вместе с тем, что создание единой версии отечественной истории невозможно уже потому, что исторические интерпретации стали частью политического процесса в стране (и в этом смысле прекращение споров об истории означало бы прекращение политической жизни). Однако на самом деле единства в различных подходах к истории России намного больше, чем точек расхождения. Именно поэтому современный исторический нарратив мог бы представлять собой не единое изложение доминирующей интерпретации (обреченное на «переписывание» в случае просто победы на выборах другой политической силы), а «изложение дискуссии» по основным «точкам разлома» [9].

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Речь идет о фильмах Галины Огурной и Елены Чавчавадзе «Лев Троцкий. Тайна мировой революции» и «Кто заплатил Ленину?».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Боханов, А. Н. История России. XIX век : учеб. для 8 класса / А. Н. Боханов. – М. : Рус. слово, 2009. – 320 с.
2. Верт, Н. История советского государства. 1900–1991 : пер. с фр. / Н. Верт. – М. : Прогресс-Академия, 1992. – 480 с.
3. Историки читают учебники истории: традиционные и новые концепции учебной литературы / под ред. К. Аймермахера и Г. Бордюгова. – М. : АИРО-XX, 2002. – 232 с.
4. История России. 1945–2008 гг. / под ред. А. А. Данилова, А. И. Уткина, А. В. Филиппова. – М. : Просвещение, 2008. – 362 с.
5. Кислицын, С. А. О соотношении российской и региональной идентичности в исследованиях по истории краев и областей Российской Феде-

рации (на материалах истории Ростовской области и донского казачества) / С. А. Кислицын // История края как поле конструирования региональной идентичности. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2008. – С. 75–88.

6. Копосов, Н. Память строгого режима: История и политика в России / Н. Копосов. – М. : НЛЮ, 2011. – 320 с.

7. Курилла, И. И. Наука, «национальная мифология» и конструирование идентичности: размышления над школьным учебником истории / И. И. Курилла // Вестник Института Кеннана в России. – М., 2003. – Вып. 4. – С. 43–48.

8. Курилла, И. И. Символическая битва за Сталинград в современной России / И. И. Курилла // Сталинградская битва: Событие. Воздействие. Символ : материалы науч.-практ. конф., г. Волгоград, 2–3 февр. 2003 г. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2004. – С. 50–57.

9. Курилла, И. И. Школьная история как борьба идентичностей (вместо послесловия) / И. И. Курилла // История края как поле конструирования региональной идентичности : материалы семинара, проведенного ВолГУ и Институтом Кеннана Междунар. науч. центра им. Вудро Вильсона 11 апр. 2008 г. / под ред. И. И. Куриллы. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2008. – С. 112–116.

10. Морозов, В. Россия и Другие: Идентичность и границы политического сообщества / В. Морозов. – М. : НЛЮ, 2009. – 656 с.

11. Национальные истории на постсоветском пространстве – II / под ред. Ф. Бомсдорфа и Г. Бордюгова. – М. : АИРО-XX, 2009. – 372 с.

12. Appleby, J. Telling the Truth about History / J. Appleby, L. Hunt, M. Jacob. – N. Y. : W.W. Norton, 1994. – 322 p.

13. Foner, E. Who Owns History? Rethinking the Past in a Changing World / E. Foner. – N. Y. : Hill and Wang, 2002. – 234 p.

14. Kurilla, I. History as an Old-New Political Tool in Eurasia / I. Kurilla // PONARS Eurasia Policy Memo. No. 18. Aug. 2008. – Electronic text data. – Mode of access: <http://www.ceres.georgetown.edu/esp/ponarsmemos/page/55903.html>. – Title from screen.

15. Kurilla, I. Local Chronicles vs. National History: The Search for Russian Identity / I. Kurilla // PONARS Eurasia Policy Memo. No. 115. Oct. 2010. PONARS Eurasia Policy Conference / ed. by A. Schmemmann, C. Welt. – Washington, D.C., 2010 (Oct.). – P. 37–41. – Electronic text data. – Mode of access: http://www.gwu.edu/~ieresgwu/assets/docs/pepm_115.pdf. – Title from screen.

16. Kurilla, I. Memory Wars in the Post-Soviet Space / I. Kurilla // PONARS Eurasia Policy Memo. No. 63. Sept. 2009. – Electronic text data. – Mode of access: <http://www.ceres.georgetown.edu/esp/ponarsmemos/page/78355.html>. – Title from screen.

17. Kurilla, I. Rethinking the Revolutionary Past: How Color Revolutions Have Led to New Interpretations of Russian History / I. Kurilla // PONARS Eurasia Policy Memo. No. 99. Apr. 2010. – Electronic text data. – Mode of access: http://www.gwu.edu/~ieresgwu/assets/docs/pepm_099.pdf. – Title from screen.

18. Kurilla, I. The Symbolic Politics of the Putin Administration / I. Kurilla // Identities and Politics During the Putin Presidency: The Discursive Foundations of Russia's Stability / P. Casula, J. Perovich (eds.). – Stuttgart : ibidem, 2009. – P. 255–269.

19. MacMillan, M. Dangerous Games: the Uses and Abuses of History / M. MacMillan. – N. Y. : Modern Library, 2009. – 193 p.

POLITICAL “USE OF HISTORY” IN CONTEMPORARY RUSSIA

I.I. Kurilla

In the article the author analyzes the use of history as a tool of identity formation in contemporary Russia; political essence of the process is demonstrated and the main challenges to the unified historical narrative are exposed. The author proposes to fill in the narrative with the presentment of discussions on debatable issues.

Key words: comparative political science, use of history, historical narrative, history textbooks, pop-history, national and group identity formation.